

Моск. листок № 43
ВОЛКОВСКАЯ ВЫСТАВКА.

Я несколько запоздалъ съ отчетомъ объ этой небольшой, но интересной выставкѣ, которая была устроена Ярославской архивной комиссией въ знаменательные, недавно минувшие «волковскіе дни», — спѣшу уплатить долгъ читателямъ, начавъ съ заявленій, что большая часть фигурировавшихъ на выставкѣ коллекцій доставлены были П. Я. Дашиковымъ изъ Петербурга и А. А. Бахрушинымъ изъ Москвы. Послѣдній, выставившій тутъ болѣе сорока отдѣльныхъ предметовъ, говорилъ мнѣ, что если бы его предупредили заблаговременно, онъ успѣлъ бы разобраться во всѣмъ своемъ собраніи и несомнѣнно смогъ бы доставить вдесятеро большия экспонатовъ, — жаль, разумѣется, что это не было осуществлено, хотя «Волковская» выставка и въ томъ видѣ, въ какомъ она предстала передъ ярославцами, была несомнѣнно очень интересна.

Тутъ, между прочимъ, фигурировала знаменитый портретъ Волкова, написанный масляными красками неизвѣстнымъ художникомъ и

подаренный ярославскому Демидовскому Лицею М. С. Щепкинымъ. Это, въ сущности, единственный болѣе или менѣе достовѣрный портретъ Волкова, — портретъ, снимки съ котораго всегда имѣли широкую популярность, а теперь получили общерусскую извѣстность, благодаря тому, что за послѣдніе мѣсяцы воспроизведены были рѣшительно всѣми иллюстрированными издачами. Говоря по событіи, лично меня портретъ этотъ очень мало удовлетворяетъ: то представление, которое мы имѣемъ о личности Волкова, очень мало мириится съ изображеніемъ на портретѣ лицомъ женоподобнаго юноши, распывчатыя черты котораго не говорятъ ни о энергіи, ни о хорошо созрѣвшей, сознательной мысли! Трудно вѣрится, что этотъ «купидонистъ» молодой человѣкъ «надѣлъ Волгой думу думалъ и съ словами рѣчи говорилъ...» Какъ извѣстно, на портретѣ этомъ въ рукѣ Волкова имѣется мечъ и корона — отсюда выводятъ заключеніе, что онъ изображенъ въ роли короля Лира, такъ какъ это была единственная «королевская» роль, которую исполнялъ Волковъ. Предположеніе, надо признаться, довольно легкомысленаго свойства: едва ли Федоръ Волковъ изображалъ Лира молодымъ женоподобнымъ юношемъ...

Остальная коллекція портретовъ Волкова — копіи, снимки и небольшій варіаціи того же портрета. Тутъ, между прочимъ, интересенъ рисунокъ карандашомъ, дающій снимокъ того же портрета, при чемъ рядомъ изображена и какая-то женщина въ греческомъ, повидимому, костюмѣ. Кто эта женщина — неизвѣстно. Надо думать, котораянибудь изъ актрисъ волковской труппы. Рисунокъ этотъ принадлежитъ г. Бахрушину.

Этому отынѣ уже знаменитому московскому коллекціонеру принадлежитъ между прочимъ и хорошее собрание портретовъ Дмитревскаго, собрание, останавливавшее серьезное вниманіе поѣтителей выставки. Особенно хороши тутъ портретъ масляными красками, приписываемый Лампи. Тѣмъ же г. Бахрушинымъ доставлены на выставку и двѣ трагедіи Александра Сумарокова: «Хоревъ» и «Гамлетъ», напечатанныя въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи наукъ въ 1747 и 1748 годахъ. На первомъ листѣ имѣется автографъ Ф. Г. Волкова: «подарена отъ его Высокородія Господина Брегадира Александра Петровича Сумарокова Актюру русского театра Федоръ Волковъ. Июля 31 дня 1754 года».

Тотъ же коллекціонеръ выставилъ и гравюру пунтиромъ Розанова: «первый директоръ российскаго (театра) А. П. Сумароковъ». Такой же портретъ имѣлся и изъ собрания г. Дашикова — гравюра черной манерой — единственный извѣстный экземпляръ. Общее вниманіе привлекло письмо Сумарокова къ неизвѣстному лицу, относящееся къ 1778 году. Это письмо доставлено А. А. Бахрушинымъ и заключаетъ въ себѣ просьбу о пособіи, съ ссылками на бѣдственное положеніе вѣчно нуждавшагося драматурга. Въ этомъ интересномъ автографѣ Сумарокова имѣются, между прочимъ, слѣдующія характерныя строки: «всему сему (то есть бѣдственному положенію автора письма) главная причина любленіе мое ко стихотворству, ибо я на него полагался и не столько о чинахъ и обѣ имѣніи рачимъ, какъ о своей музѣ...» Какъ видите, вѣчная история!...

Далѣе, Сумароковъ говорить о томъ, какія мѣры онъ хочетъ принять для того, чтобы выйти изъ бѣдственнаго положенія и, между прочимъ, сознается, что намѣренъ распродать свою библіотеку: «книги остались у меня мало, да и тѣ я нынѣ продать намѣренъ... Желаль бы я, чтобы сіи книги, питавшія такъ долго мою музу, достались въ хорошия руки...»

Съ большимъ интересомъ обозрѣватели выставки останавливались и передъ любопытнымъ документомъ, сохранившимся въ дѣлахъ Ярославской провинциальной канцеляріи и разысканнымъ Л. Н. Трефолевымъ. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ въ историческихъ материалахъ, касающихся начала русскаго театра, говорилось, будто въ концѣ 40-хъ и въ началѣ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія, то есть, въ эпоху «рожденія» этого театра, ярославскимъ воеводою былъ одинъ изъ представителей рода Мусиныхъ - Пушкиныхъ, теперь же изъ документа, въ которомъ «Быть членомъ лентовой сабрики содергателя Федора Холщевникова сына его Егора Холщевникова», оказывается, что воеводой былъ тогда Михайла Бобрищевъ-Пушкинъ. Это обстоятельство вносить некоторую поправку въ исторію русскаго театра, но и кромѣ того изъ этого документа, которому минуло ровно 150 лѣтъ, мы узнаемъ, какъ справедливо констатировалъ въ засѣданіи архивной комиссіи г. Трефолевъ, что «комедіи» разыгрывались въ Ярославль и помимо того историческаго сара, гдѣ незавѣненный Волковъ устроилъ первый театръ. Дѣло въ томъ, что въ первомъ пункѣ члобитной говорится слѣдующее: «Сего генваря противъ 8 числа, будучи я въ домѣ ярославскаго купца Григорія Сѣрова, гдѣ тогда производилась комедія, шедъ въ домѣ мой, и со мною же шли ярославской провинциальной канцеляріи канцеляристъ Яковъ Поповъ, ярославскіе купцы Алексѣй Волковъ зженою, Козма Крѣпышовъ и другие многие; причемъ тогда едуши мимо наѣзда лентовой сабрики содергателя Григорій Гурьевъ сеабрищиками ево, втроихъ саняхъ, помянутаго Волкова жену запрягомъ сшибли сногъ і, зголовы уборъ збивъ, хотели было подхватить».

Носили ли такія «комедіи» характеръ публичный или онъ были доступны только однімъ знакомымъ купца Сѣрова, — рѣшить нудрено. Ясно лишь, что въ числѣ пострадавшихъ при возвратѣ домой съ «комедіи», разыгранной въ домѣ Григорія Сѣрова, былъ и родной братъ Федора Волкова — Алексѣй Григорьевич Волковъ, съ женой своей, которую хотѣли «подхватить» тогдание ярославскіе добрые молодцы. Слѣдовательно, устроитель «комедіи» Сѣровъ былъ не чуждъ семейству Волковыхъ... Незавѣнно отъ этого, документъ этотъ свидѣтельствуетъ и о тѣхъ дикахъ нравахъ, которые господствовали тогда въ Ярославль и съ которыми началъ борьбу «комедійныи» оружіемъ знаменитый Волковъ.

Н. Р.—и.